

**ТРАНСФОРМАЦИИ «ДИСКУРСА ЗАВОЕВАТЕЛЯ»:
НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ
«SOLDATEN-WÖRTERBUCH»**

В статье на примере переизданий краткого немецко-русского словаря «Soldaten-Wörterbuch» для рядовых солдат нацистского вермахта (издания 1941–1944 гг.) анализируется «дискурс завоевателя». Оцениваются тематические группы, содержание и коннотации словника.

Ключевые слова: вермахт, немецкий язык, карманный словарь, военный дискурс, милитаризм, словник, нацистская имиджелогия.

Исследователями военный дискурс относится к институциональному (статусно-ориентированному) типу, определяется как исторически динамичный и иногда подразделяется на формальный/неформальный. Репрезентирующие его многообразные тексты и контексты отличают исходная единая коммуникативная доминанта, смысловая четкость и структурированность. Комплексный анализ военного институционального дискурса невозможен без рассмотрения системы ключевых концептов «Война», «Армия», «Оружие», «Враг» и др. как индикаторов его специфики. Это позволяет реконструировать и анализировать содержание и структуры общения в рамках данного дискурса, помогая понять особенности идеологии, мышления участников этого конкретного социально-языкового института [7, с. 1055–1057; 2].

В последнее время появились междисциплинарные диахронические исследования языковой ситуации и немецкоязычного военного дискурса периода ВОВ 1941–1945 гг. Например, анализируются формы и методы внедрения немецкого языка (т. н. активный словарь; политика «германизации» в топонимике и замена кириллицы на латиницу как десоветизация; обучение немецкому языку местного населения, медиатексты военных властей) на оккупированных территориях СССР, определяется то, как основные интенции оккупационной администрации отражались в языковой политике, на каких уровнях происходила корректировка языковой политики [3]. Интерес представляют когнитивный подход [5], исследования средств коммуникации оккупантов как отражение экспансионизма, контактов в новой среде, пропаганды на занятых территориях через анализ текстотипов (оккупационные СМИ и пресса, листовки, плакаты, календари, протоколы и пр.).

Уникальный материал – лексикографические источники времен ВОВ, в частности, массово изданные двуязычные словари и разговорники для военнослужащих вермахта [6], которые к моменту нападения на СССР были определенным образом подготовлены для общения с местным русскоязычным населением и пленными, располагая разнотипными печатными малоформатными пособиями (также периодическими, иллюстрированными и изданными в известной серии «Duden»), например, базовыми

* © Дубинин С.И., 2015

Дубинин Сергей Иванович (doubinin@mail.ru), кафедра немецкой филологии, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

разговорниками разного качества. Некоторые из них появились еще до начала войны и опирались на издания для военнослужащих периода 1914–1918 гг. [9].

Военный двуязычный словарь-разговорник можно рассматривать как связный текст в совокупности с жизненными, социокультурными, психологическими, идеологическими и другими факторами, как особый текст в событийном аспекте военной ситуации, соответствующей ей дискурсивной практике и языкового имиджа его «потребителя». Интерес представляет анонимный немецко-русский словарик, появившийся в начальный период военных действий против СССР (06.1941–11.1942 гг.), когда на значительных оккупированных территориях оказались миллионы советских граждан и военнопленных. Этот известный типовой военный разговорник для вермахта раннего образца почти полностью состоит из словаря, включая скудную разговорную и справочную части. Первое издание отмечено концом лета – началом осени 1941 г. (вероятно, что исходный, не датированный на титуле тираж вышел в 1940 г.), на что указывает перевод указателя: «nach Lemberg/направление до Львова» (город захвачен 30.06.1941 г.).

Малоформатный лапидарный словарик вышел в издательстве «E.S. Mittler & Sohn», одном из крупнейших и старейших в Германии (осн. в 1789 г.), имевшем национальный статус и специализирующемся на военной, политической и справочно-учебной литературе. Он был массово переиздан в ноябре 1942 г., затем стереотипно в 1944 г. Этот берлинский издательский дом выпускал первые военные разговорники, периоду и пособия по поручению генштаба, еще будучи «кайзеровским» [8, s. 695]. Так, известен немецко-русско-польский разговорник для солдат 1894 г., анонс которого предварялся нейтральной установкой: «In der Armee wird die Kenntnis der Sprache unserer westlichen und östlichen Nachbarn bekanntlich mit besonderer Aufmerksamkeit gepflegt. Um diese auch unter den Mannschaften zu verbreiten, hat Hauptmann v. Donat im Verlage der Königlichen Hofbuchhandlung von E.S. Mittler & Sohn in Berlin soeben äusserst praktische „Soldaten-Wörterbücher“ sowohl für Deutsch-polnisch-russisch als auch für Deutsch-französisch bearbeitet, in denen, nach Gruppen geordnet, die gebräuchlichsten Ausdrücke und Redewendungen, insbesondere Fragen im Wortlaut und zugleich in der Aussprache aufgeführt sind». Авторство «капитана фон Доната» вызывает сомнение и явно вымышлено. Издательский концерн «E.S. Mittler & Sohn» использовал опыт военно-политического роста Пруссии, колониальной политики Германии, войны 1914–1918 гг., удерживая в Третьем Рейхе звание важнейшего военного издательства. С 1939 г. оно обеспечивало вермахт типовыми военными разговорниками на языках союзников и противников Германии.

Первый тираж издания брошюры 1941 г. был рассчитан на короткое время пользования, поскольку агрессоры не сомневались, что война с СССР завершится быстро и словарик в данном качестве не понадобится. Краткосрочные европейские кампании Рейха показали, что объем в 1000–2000 слов мог быть достаточен для победоносной военной акции. В структуре словника на первом плане поставлено общение не с противником, а с населением, и «авторы» не обозначали явно реалий оперативных и стратегических планов командования. Словарь-разговорник нужно было носить вместе с солдатской книжкой, или он сшивался с ней.

В словарике нет привычной для такого рода изданий части «Für Notizen» (для записей) в расчете на пополнение лексики из живых наблюдений в общении. В начальном трехстраничном разделе «Redensarten» (обороты речи) представлен скудный набор контактоустанавливающих приветствий, извинений, реакций, клише вежливых обращений, например, в ситуации покупки, ориентации на местности, обнаружения соответствий (Wie heißt auf Russisch?). Даны парадигмы базовых глаголов sein, haben и шаблонные фразы с ними. Этот нейтральный набор ближе к элементарному речевому

репертуару путешествующего, но не военнослужащего. Диссонансом в перечне звучат команды: Halt! Hände hoch! и фраза в возможной ситуации дознания: Befindet sich N. zu Haus?, «выдавая» специфику издания. В разговорнике 1941 г. отсутствует традиционный опросник (опрос местного жителя, ориентация на местности, допрос пленного). Практиковалось указание контактируемому лицу на нужное русское слово (словарь набран столбцами: немецкое слово / русское соответствие / транслитерация), что якобы должно было улучшить коммуникацию в предметно-материальной и понятийной сферах по принципу: «Меньше фраз, больше слов!».

Алфавитный словник разговорника [SW 1, s. 5–76] построен по принципу переводных лексических соответствий (иногда это русские атрибутивные словосочетания, УСК, аббревиатуры военного дела) без грамматических показателей. Это затрудняет, например, понимание предлогов, видового значения некоторых глаголов, реалий, различение форм числа существительных, композитов, синонимов, полисемии. Издание снабжено упрощенно несистемной транслитерацией русских слов (*ungefähre Aussprache*, как сказано в сравнительной таблице алфавитов). Слова приводятся иногда в их разговорном звучании/форме (безударные гласные и предложные сочетания), с указанием ударной гласной и слогаделения, в основном выборочно. В русской части нередко ошибки и искажения, ср.: *тормаз*, *голь* (= *гол*), *морозено*, *гребен* (= *гребень*), *в близи*, *трубочисть*, *скотский вагон*, *конский завод*, *кофе* (вместо *кафе*), *нести* (вместо *нести* — о курице) и т. п. Русские мягкие согласные, сочетания согласных, некоторые фонемы и их альтернации, отсутствующие в немецком языке, транслитерированы неадекватно.

Разговорник не ориентировался на выработку навыков, исходной системы форм корректной или связной речи военнослужащих вермахта по-русски (даже официальное наименование вооруженных сил Третьего Рейха отсутствует) или на ведение допросов, чем занимались переводчики. Коммуникативная установка словарика отмечена минималистски: «Der Krieg [т. е. 1-я Мировая война. — С. Д.] hat gezeigt, wie mit einfachen Mitteln sich der deutsche Soldat überall verständigen kann. Die richtigen Worte, ohne Rücksicht auf Grammatik nebeneinander gestellt, genügen fast immer». В подзаголовке и аннотации так сказано об отборе ЛЕ: «Rund 3000 Wörter für Feldgebrauch und tägliches Leben. Mit einem sehr geringen Wortschatz... die wichtigsten Ausdrücke» [SW 1, s. 1, 80].

Отдельно в словнике даны немногие команды, бытовые и ключевые для военнослужащих (особенно для постовых) императивные фразы: Aufstehen! Antreten! Stillgestanden! Halt! Vorwärts! Hinlegen! Was ist passiert? Uhrzeit? Weg! Hilfe! Vorsicht! Ich blute. Mir ist es warm! Wer? Wo? Womit? Wieviel? Was für ein? Er ist weg. Вероятно, они вынесены за рамки исходного раздела «Обороты речи», рассеяны в словнике для поддержания положительного речевого имиджа военнослужащего вермахта, который не выглядел бы а priori агрессивным оккупантом-карателем. Впрочем, обращают на себя внимание немногие ЛЕ «репрессивной семантики»: *bestrafen*, *festnehmen*, *verboten*, *erschossen/erschossen lassen*, *Beitreibung* (реквизиция), *Geisel* (заложник).

Тематически и инвентарно (т. н. базовая лексика) словник представляет собой пеструю и негармоничную смесь преобладающей общеупотребительной лексики, многообразных реалий и спецтерминов, немногих коллоквиализмов и маркированной бранной лексики, ср.: *(das) Pack* (*Schimpfwort*) «сволочь», также пренебр. «сброд, подонки». Анонимные авторы акцентируют при этом важность военного ремесла. Но солдатские жаргонизмы в словаре не представлены [4], и можно отметить лишь: *Blindgänger* «неразорвавшийся снаряд» и устаревшее *Bursche* «денщик». Явными архаизмами времен Первой мировой войны являются ЛЕ *Bürooffizier* «адъютант», *Kampfwagen* «танк».

Примечательно отсутствие опоры на пометы (редкие исключения: *elekt.*, *milit.*, *mediz.*, *Eisenb.*), интернационализмы или на германизмы в русском языке, что облегчило бы освоение иноязычной лексики. Не обозначены и не структурированы синонимика и гипо-, гиперонимические отношения ЛЕ. Следует отметить фиксацию иконической лексики: *Rotes Kreuz* (об-во Красного Креста), *Gelbkreuz* («желтый крест», символика иприта), *Blaukreuz* (Голубой крест – общество трезвости евангелической церкви Германии; последний ошибочно назван по-русски «синим»).

Идеологические маркеры словника немногочисленны. Реалии нацистского режима в Германии и на подвластных территориях отмечены лишь ЛЕ *Nakenkreuz*, *Nationalsozialismus*, *Gau* «округ» (т. н. новые территории). Примечательны уничижительные в отношении еврейского населения *Jude*, *jüdisch* «еврей (жид), еврейский (жидовский)» как проявление антисемитизма, унаследованного вермахтом от армии Пруссии. При номинации партизан использовано как общеизвестное *Partisanen*, так и уничижительно-жаргонное в нацистской армии *Heckenschütze* («стрелок из кустов», также с криминальным оттенком значения «убийца из-за угла»). Но красноармеец номинирован нейтрально как *Frontsoldat* «фронтовик» и как синонимическая пара представлены ЛЕ *Gegner / Feind* «враг (противник)». ЛЕ *Ostern*, *Pfingsten*, *Weihnachten*, *Kirche*, *Pfarrer*, *Kapelle*, *Kirchturm* маркируют приверженность оккупационных властей возрождению христианских праздников, церковных зданий и богослужения, а *Schutzpolizist* «городовой» и *Gutsbesitzer* «помещик» ассоциируются с досоветским строем. В немецкой части приведен не общеизвестный русизм (формально полонизм) *Starost* «староста», важный для политики поддержки коллаборационистов.

В словаре отсутствуют понятия, идеологемы, реалии-советизмы, относящиеся к войне с СССР, типа *Sowjets*, *Sowjetarmee*, *Kommunist/Bolschewik*, *Komissar*, *deutsch*, *Deutschland*, *das Dritte Reich*, *Besetzung* и т. п. (см. лишь ЛЕ *Rußland*, *Kriegsgebiet* «район военных действий»), а ЛЕ *Führer* приведена в паре с *Weg* в значении «вождь (проводник)». Практически нет бытовых реалий (заимствований-русизмов) за исключением скорее эквивалентных ЛЕ *Kohlsuppe* «щи» и с уточнением *Korn (Getränk)* «водка».

Наглядны следующие примеры, отражающие «качество» словника. Несистемность и избыточность в лапидарном по установке отборе лексического материала заметны при множественном обозначении нефти как *Erdöl* (общеупотребительное), *Rohöl* (сырая нефть) и *Naphta* (ЛЕ маркирована австрийским узусом). Избыточны для краткого словника детализации типа *Biwak / Biwakplatz*, обозначения почтовой бумаги как *Briefpapier / Briefbogen*, ночлега как *Nachtlager / Nachtquartier*, перекрестка как *Straßengabel / Straßenkreuzung*, фоторазведки как *Bildaufklärung / Bilderkundung*. Неадекватно передано название *Stauferfett* (солидол, консистентная смазка) как малопонятное для русских «сало Штауффера». Немецкое *Pastete* передается как «пирог», но, точнее, это «пирожок с мясом (с рыбой)». Недопонимание могло вызывать переводное соответствие *Soldatenheim* как «солдатский дом» (имеется в виду клуб, а не жилище или казарма), *Hoheitsgewässer* как «государственные воды» (вместо «территориальные»).

Среди множества тематических групп лексики можно отметить как доминирующие: *военное дело, право и вооружение; питание и провиант; топливо; военный транспорт и средства связи; санитария и болезни, физкультура; плен и содержание военнопленных*. Лишь некоторые из них актуализированы ситуацией и спецификой войны с СССР в новых условиях: *зимнее обмундирование; технологии конной тяги и упряжь*. Однако отдельные реалии, например, в меню питания не могли быть ориентированы на рядовой состав: *Hummer* (омап), *Störfleisch* (осетрина), *Apfelsinen*, названия изысканных сортов сыра, десерта (*Nachspeise*). Примечательно отражение в словнике лек-

сических реалий, относящихся к отравляющим веществам и газам, химзащите и к ведению химической войны, в возможности которой уже на начальном этапе гитлеровцы не сомневались.

Значительна стратификация тематических групп, обусловленная ориентацией оккупационных войск на содержание и привлечение пленных (отметим ЛЕ KZ), гражданских специалистов, рабочей силы, грузчиков, прислуги, персонала и разнообразных услуг на занятых территориях. Это: *автодело и починка транспорта; лазарет, гигиена* (вплоть до Nagelbürste «щетка для ногтей») *и лечение; почта; коневодство; квартирование и постой; оборонительно-строительные и дорожные работы; ремонт обуви и амуниции; энерго- и водоснабжение; заготовки и бытовое обслуживание* и др. Эта лексическая стратификация свидетельствует, что «победоносные» оккупанты надеялись на длительное пребывание, освоение территорий и на определенную интеграцию. Но словарь не содержит номинаций, связанных с администрированием: после захвата территории и проведении мероприятий по прекращению вооруженного сопротивления, рычаги управления должны были по начальному плану передаваться вермахтом гражданской администрации.

«Солдатский словарь» идеологически и манипулятивно демонстрирует размытость статусного компонента немецкого военного дискурса в пользу личностного (имиджевого) компонента. Военнослужащий вермахта на восточном фронте «образца 1941 года» предстает в зеркале словаря как солдат-профессионал ремесла, всесторонне квалифицированный специалист, уделяющий внимание быту, спорту (отметим маркирование игровых видов спорта и легкой атлетики как развивающих командный дух солдата), здоровью и питанию, переписке, детально ориентирующийся в военном деле, в технике и т. п. Но вовсе не как отправитель приказов, насильник-агрессор-каратель, носитель идей аннексии или реванша за поражение в Первой мировой войне (что, впрочем, было актуально для идеологии вермахта). Он не позиционирован как активный проводник нацистской политики на захваченных территориях СССР — непримиримого противника Рейха в борьбе двух идеологий, покорения «неполноценного противника» и подавления чуждой государственной системы любыми методами ведения войны.

Ключевой концепт «Солдат» предстает при этом в особом виде. Единного звания для рядовых солдат в вермахте, как в Красной Армии (красноармеец, краснофлотец, рядовой), не существовало даже внутри родов войск. Рядовые солдаты именовались по специальности, должности, например Pionier (сапер), Jäger (егерь), Funker (связист) и др., или по традиции, особенно в воинских подразделениях, которые имели долгую историю, архаичными ЛЕ типа Grenadier, Kanonier, Schütze. Рядовой состав (Mannschaften) насчитывал в целом до 40 разновидностей наименований. Немецкое der Soldat акцентировалось идеологами вермахта как собирательное название, близкое к русскому «военнослужащий», но с менее нейтральной окраской (ср. производное Sanitätssoldat), поскольку несло качественную оценку и могло быть заменено русским «воин». Так, фельдмаршала Э. Роммеля неофициально и почтительно называли «первым солдатом вермахта».

В солдатской книжке для вермахта были внесены «10 заповедей по ведению войны немецкими солдатами», а на первом месте стояла запись: «Немецкий солдат сражается за победу своего народа, как рыцарь. Жестокость и ненужные разрушения позорят его». В соответствии с принятой вермахтом теорией войны решающее значение для победы над врагом имели личностное, моральное превосходство над ним и только во вторую очередь — превосходство материальное и численное. Эта «маска» была необходима вермахту (т. н. «армейцам», «людям в зеленой форме», «оруженосцам нации») как основной военной силе Германии (но не войскам СС) на начальном этапе 1941 г.

«блицкрига» как войны, которая декларировалась как «справедливая и освободительная», как оправданный и упреждающий ответ на подрывную политику и неизбежную грядущую агрессию СССР против Германии [1].

Показательны корректуры в разделах во 2-м издании словаря 1942 года, сохраненном в печатном объеме и вышедшем к завершению начального периода войны, когда наступление германских войск было остановлено и план «Барбаросса» не дал результатов. В заметно расширенной части «Redensarten» появляется указатель «nach Moskau (до Москвы)» (начало наступления 10.1941 г.). Показательны фразы, отражающие реалии военных столкновений с противником – Красной Армией и партизанами, оперативную работу с населением: «Sind hier Rotarmisten (Partisanen) gewesen? In welcher Stärke? Sind im Ort Waffen vorhanden?», разведывательные действия, ориентация на местности и детализацию квартирования: «Wir brauchen Lebensmittel! Wieviel Vieh haben Sie? Wo ist eine Furt? Wo sind die Feldbefestigungen? Zeigen Sie es auf der Karte!» и т. п. Фразы-обращения приведены по-прежнему в вежливой форме, появляется обозначение «deutsche Soldaten (германские войска)», а староста назван Ortsvorsteher (малоупотребительная в узусе ЛЕ).

Трехтысячный словник переиздания 1942 г. в целом не претерпел изменений. Отмеченные лексикографические недостатки не были устранены. Последнее издание датировано 1944 г. и стереотипно, хотя следовало ожидать появления реалий отступления вермахта, начавшегося в 1943 г.

Отмеченные явления свидетельствуют об «инерции» милитаристского дискурса и нацистской военной имиджологии, о манипулировании «победоносным духом» и образом вермахта через такого рода массовые издания, несмотря на трагически меняющуюся для захватчиков реальность войны с СССР, перманентные катастрофы поражений, завершившиеся капитуляцией, разоружением в 1945 г. и роспуском вермахта осенью 1946 г.

Библиографический список

1. Вермахт. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Вермахт> (дата обращения: 10.09.2012).
2. Данилова С.А. Дискурсивные характеристики военного ритуального текста // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2014. № 1. С. 1–10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-harakteristiki-voennogo-ritualnogo-teksta> (дата обращения: 10.09.2012).
3. Дацишина М.В. Язык как инструмент власти: немецкий язык для временно оккупированных советских территорий 1941–1944 гг. // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 66–87.
4. Жаргонный лексикон солдат Вермахта 1939–1945 гг. URL: <http://hodar.ru/post/21031> (дата обращения: 10.09.2014).
5. Манукян Я.А. Концептуально-фреймовая модель языковой игры в субкультуре немецких военнослужащих (1871–1945): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2011. 20 с.
6. Резяпкин А. Военные разговорники. Открытия, которые потрясли мир // Неправда Виктора Суворова – 2. М.: Яуза/Эксмо, 2008. URL: http://militera.lib.ru/research/1/art/index_340_41632.html (дата обращения: 10.09.2014).
7. Юсупова Т.С. Структурные особенности военного дискурса // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2009. Т. 11. № 4(4). С. 1055–1057.
8. Schmidt R. Deutsche Buchhändler. Deutsche Buchdrucker. In 6 Bd. Berlin; Eberswalde: Schmidt, 1907. Bd. 4. S. 695–701.
9. «Stummer Dolmetsch», «Wehrmacht-Sprachführer» und «Bilder-Wörterbuch»: Hilfsmittel zur Verständigung mit dem Feind im Zweiten Weltkrieg. URL: <http://www.uebersetzerportal.de/nachrichten/n-archiv/2004/2004-06/2004-06-14.htm> (дата обращения: 10.09.2014).

Источники и сокращения

1. Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch. Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1941. 80 S. (SW 1).
2. Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch. Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1942. 80 S. (SW 2).

References

1. Wehrmacht. Retrieved from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Вермахт> (accessed 10.09.2014) [in Russian].
2. Danilova S.A. Discursive characteristics of military ritual text. *Kontsept. Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal* [Concept. Research and methodology electronic journal], 2014, no. 1, pp. 1–10. Retrieved from: <http://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-harakteristiki-voennogo-ritualnogo-teksta> (accessed 10.09.2014) [in Russian].
3. Datsishina M.W. Language as an instrument of power: German language for the temporarily occupied Soviet territories 1941–1944. *Voprosy iazykoznanii* [Issues of linguistics]. M., 2012, no. 1. pp. 66–87 [in Russian].
4. Jargon lexikon of Wehrmacht soldiers 1939–1945. Retrieved from: <http://hodar.ru/post/21031/> (accessed 10.09.2014) [in Russian].
5. Manukjan J.A. *Kontseptual'no-freimovaia model' iazykovoï igry v subkul'ture nemetskikh voennosluzhashchikh (1871–1945): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Conceptually–frame model of language game in the subculture of German soldiers (1871-1945): Extended abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. Belgorod, 2011, 20 p. [in Russian].
6. Rezapkin A. Military phrasebooks. Discoveries that shocked the world. *Falsehood of Viktor Suvorov-2*. M., Iauza/Eksmo, 2008. Retrieved from: http://militera.lib.ru/research/1/art/index_340_41632.html (accessed 10.09.2014) [in Russian].
7. Jussupova T.S. Structural features of the military discourse. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of Samara scientific centre of the RAS]. Samara, Izd-vo SNTs RAN, 2009, Vol. 11, no. 4(4), pp. 1055–1057 [in Russian].
8. Schmidt R. Deutsche Buchhändler. Deutsche Buchdrucker. In 6 Bd. Berlin – Eberswalde, Schmidt, 1907, Bd. 4, S.695-701 [in German].
9. «Stummer Dolmetsch», «Wehrmacht-Sprachführer» und «Bilder-Wörterbuch»: Hilfsmittel zur Verständigung mit dem Feind im Zweiten Weltkrieg. Retrieved from: <http://www.uebersetzerportal.de/nachrichten/n-archiv/2004/2004-06/2004-06-14.htm> (accessed 10.09.2014) [in German].

Sources

1. Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch. Berlin, E.S. Mittler & Sohn, 1941. 80 S. (SW 1) [in German].
2. Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch. Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1942. 80 S. (SW 2) [in German].

*S.I. Dubinin**

**TRANSFORMATIONS OF «DISCOURSE OF CONQUEROR»:
ON THE BASIS OF GERMAN-RUSSIAN DICTIONARY
«SOLDATEN-WÖRTERBUCH»**

In the article the so-called «Discourse of conqueror» as an example of reprints of a brief German–Russian dictionary «Soldaten–Wörterbuch» for the soldiers of the Nazi Wehrmacht (ed. 1941–1944) is analyzed. Thematic groups, content and connotations of the glossary are also evaluated in the article.

Key words: Wehrmacht, German language, pocket dictionary, military discourse, militarism, vocabulary, Nazi imageology.

Статья поступила в редакцию 12/VII/2015.

The article received 12/VII/2015.

* *Dubinin Sergej Ivanowich* (doubinin@mail.ru), Department of German Philology, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.